

Моцарт жил, Моцарт жив...

Культура. 2000 - 10 - 16 фев. - 6. 11

Мюзикл-притча на венских подмостках

То, что Вена — город Моцарта, известно каждому. Великий композитор прожил здесь всю сознательную жизнь и здесь же умер. Об этом напоминают не только изображения Вольфганга Амадея на всех возможных товарах (самые популярные из них — круглые шоколадные конфетки в красной фольге) и таблички на домах, в которых бывал композитор. Здесь можно запросто пройти по тем булыжным мостовым, по которым ходил Моцарт, постоять у того же алтаря в главном городском соборе Св. Стефана, у которого молился композитор, зайти в ресторанчик, в котором он обедал.

А с недавних пор в австрийской столице объявился живой Моцарт. Произошло это на сцене театра "Андер Вин", на мировой премьере мюзикла "Моцарт!", по которому сейчас сходит с ума вся Вена. Сразу предупрежу, что речь пойдет именно о мюзикле, а не о тех полупрофессиональных представлениях, которые недавно были показаны москвичам под видом мюзиклов.

Потому что венский "Моцарт!" — это блистательное шоу, каждый элемент которого выполнен на высшем уровне. Начну со сценария. Идея сделать героем музыкального спектакля великого и беспутного композитора, гения с трагической судьбой лежала на поверхности. Но только давние друзья — либреттист Михаэль Кунце и композитор Сильвестр Левай — "подняли" ее. Конечно, согласно законам жанра жизнь Моцарта сжата в нем до схемы, а исторические личности превращены в типажи: Леопольд — отец-тиран, Колоредо — коварный архиепископ, Наннерль — добрый ангел-хранитель, Констанца — милашка-жена. Но ведь и "Иисус Христос — суперзвезда" весьма своеобразно излагает Библию.

И вот в эту голливудскую (но рассказанную на немецком языке) историю знаменитый немецкий режиссер Гарри Купфер вдохнул саму жизнь. Купфер, кстати, не первый раз работает с Кунце и Леваем: в 1992 году они выпустили спектакль "Элизабет", который стал самым успешным немецкоязычным мюзиклом. Созданный Купфером спектакль — это чередование в бешеном ритме небольших контрастных сцен-номеров. Это простые, даже плакатные, но выразительные режиссерские ходы. Представьте: на сцену врывается толпа современников Моцарта, шумно размахивающая огромными надувными шариками с портретами Моцарта (гипер-

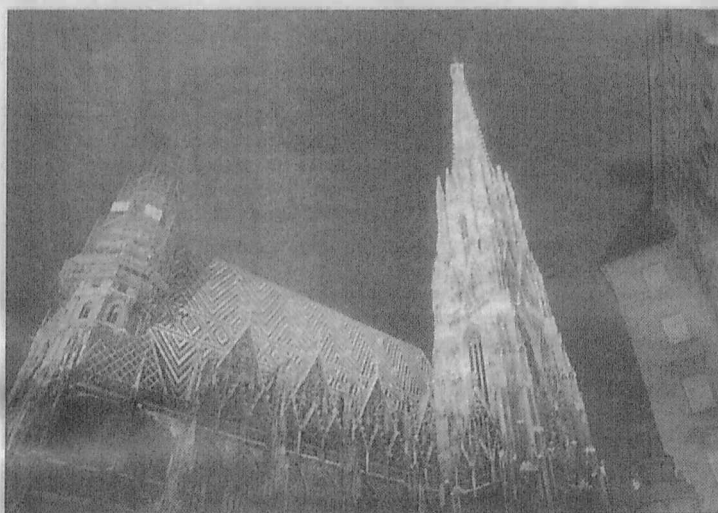
Вверху: Вольфганг — Ингви Гасой-Рамдал, Амадей — Алексей Соловьев. Внизу: Вена. Собор св. Стефана

трофированными шоколадными конфетками). Они весело танцуют, не обращая внимания на Моцарта, который уже на пороге смерти.

Или финал первого действия: Колоредо под одобрительное улюлюканье придворных сталкивает Моцарта с лестницы. Тот скатывается вниз, еле поднимается и... радостно восклицает: "Frei!" ("Свободен!"). Или финал второго: Амадей все колет и колет руку умирающего Вольфганга гусиным пером — кровь нужна, чтобы записать очередную партитуру. Но Вена пуста, силы Моцарта иссякли. И тогда Амадей с размаху вонзает перо прямо в сердце Вольфгангу...

Стоп, я не запуталась в именах композитора, просто в мюзикле Моцарт раздвоился. Один — Амадей — гений, раб музыки, молчаливый мальчик лет двенадцати, который все время носит за собой нотную бумагу и пишет музыку. Другой — Вольфганг — молодой парень из крови и плоти, который волочится за женщинами, выпивает и играет в карты и иногда ссорится с Амадеем, который как тень следует за ним и постоянно призывает его к творчеству.

"Простой" Моцарт выделяется среди толпы не только живой непосредственностью и неприятием лю-

бого социального гнета. Вольфганг — человек будущего. Поэтому он единственный в спектакле одет в современные костюмы. Его широкий рэперский брюкам и хипповым цветным пальто могли бы позавидовать самые крутые модники. Портрет нашего юного современника дополняет кофта белокурых волос, стянутых сзади резинкой.

Такой вот Моцарт нашего времени. Но эта интересная режиссер-

ская идея осталась бы мертвым замыслом без достойного исполнителя главной роли. Молодой норвежец Ингви Гасой-Рамдал — настоящий находка Купфера. Он обаятелен, порывист, трепетно-изящен, сексапильен в стиле Брэда Питта (что очень важно для главного зрителя мюзикла — молодежи). И при этом отлично профессионально подготовлен. Это тот тип синтетического артиста, которого нет на

нашей сцене: хороший вокал, сильная, с нервом, драматическая игра, великолепное — хоть на рекламу тренажеров — тело.

Ингви — лицо спектакля (в прямом и переносном смысле — вся реклама мюзикла базируется на его портретах). Но в мастерстве ему не уступают исполнители других ролей. У них — та же точность и легкость игры, за которой профессионализм и еще раз профессионализм. Тем более что нателные радиомикрофоны и идеальный аккомпанемент оркестра предоставляют им полную свободу для существования на сцене. Маленький пример: я обратила внимание, как уверенно — хоть в танце, хоть в беге — преодолевают артисты постоянно меняющийся рельеф пола. Слово и нет то наклонных плоскостей, то больших, то маленьких ступенек.

Кстати, оформление спектакля Ганса Шаверноха, давно сотрудничающего с Купфером, — еще один повод для зрительского восхищения. Декорации условны (интерьеры дворцов, к примеру, создаются при помощи проекции слайдов на задник) и строго функциональны. Это минимум реквизита и максимум трансформаций кулис и особенно пола. Впрочем, поражают не столько сами эти изменения, сколько та фантастическая скорость, с которой они происходят. Пара секунд — и поднявшаяся на 10 метров зеркальная лестница обозначает балльный зал. Еще мгновение — и она свертывается, и на сцене возникает тесный кабачок, а потом одинокая спальня...

И напоследок — о музыке. В "Моцарт!" она один из элементов представления. Не больше, но и не меньше. Здесь есть пара презающих в память мелодий, которые могут стать хитами. А остальное — просто красивая музыка с эффектной оркестровкой, не уступающая аналогичным страницам лучших мюзиклов. Так что и здесь немецкие авторы смогли составить конкуренцию основоположникам жанра — американцам...

Гордость за европейцев, попытавшихся догнать и перегнать Америку в области мюзикла, звучит в каждой австрийской рецензии на "Моцарт!". Остается только подождать, чтобы увидеть: сможет ли новый мюзикл повторить или даже превзойти успех на мировой сцене предыдущего создания команды Купфера — "Элизаветы".

Анна РОМАНОВА
Вена